

ЖИВЫЯ ДУШИ.

ОЧЕРКЪ

нравственныхъ силъ современной Россіи ¹⁾).

Экономическая и общественная жизнь Братства. Въ экономическомъ отношеніи Братство обезпечено землей. Учредитель Крестовоздвиженскаго Братства передалъ ему въ даръ, съ правами полной собственности, Воздвиженское имѣніе, заключающееся въ 16435 дес. земли, со всѣми находящимися на этой землѣ лѣсами, постройками и заводами. Въ настоящее время въ фактическое пользованіе Братства перешло 5313 десятинъ, а остальная земля остается въ пожизненномъ пользованіи дарителя, его матушки и двухъ сестеръ. Братство приняло на себя обязательство содержать двѣ сельско-хозяйственныя школы, храмъ и больницу и взяло на себя долгъ, лежавшій на имѣніи, что требуетъ отъ Братства ежегодно около 28000 рублей.

Члены Братства въ имущественномъ отношеніи раздѣляются на два разряда. Члены, обладающіе личною собственностью внѣ предѣловъ Братства, живутъ на своемъ содержаніи и въ доходахъ Братства не участвуютъ. Полноправные члены Братства живутъ на полномъ содержаніи Братства, участвуютъ въ доходахъ Братства, не имѣютъ права обладать собственностью на сторонѣ, обязаны жить въ Братствѣ, принимать участіе въ его трудахъ и подчиняться порядкамъ, принятымъ въ Братствѣ. При поступленіи въ число полноправныхъ членовъ Братства, лица, обладающія собственностью, передаютъ ее въ Братство, по оцѣнкѣ, оставляя

¹⁾ Продолженіе. См. Богословскій Вѣстникъ май.

за собою право при выходѣ изъ Братства получить равноцѣнное имущество.

Полноправные члены Братства являются хозяевами братскаго имущества. Чистая прибыль, получаемая Братствомъ, распределяется такъ: 20% отчисляется въ общіе капиталы Братства—основной и запасной, а 80% поступаютъ въ распоряженіе членовъ Братства, которое свободно распоряжается этими процентами, отчисляя нѣкоторую часть ихъ въ личную собственность братчиковъ. Суммами, числящимися на личныхъ счетахъ, члены Братства могутъ свободно распоряжаться при выходѣ изъ Братства и по духовному завѣщанію.

Кромѣ полноправныхъ членовъ Братства могутъ быть пріемные братья—члены, которые поступаютъ въ Братство со стороны. Они подчиняются всему строю братской жизни, живутъ на содержаніи Братства и участвуютъ въ его доходахъ наравнѣ съ полноправными членами, но не имѣютъ рѣшительнаго участія въ управленіи братскою жизнью, которое принадлежитъ только полноправнымъ членамъ. Пріемнымъ братьямъ дается однако право совѣщательнаго голоса. Первый же годъ по поступленіи въ Братство лица называются допущенными на испытаніе и не принимаютъ никакого участія въ управленіи братскою жизнью.

Полноправныхъ, пріемныхъ и допущенныхъ членовъ къ 1 января 1905 года было братьевъ 69, сестеръ 82 и дѣтей 44, всего 195.

Полноправные братья и сестры составляютъ изъ себя *Братскую думу*, которая рѣшаетъ всѣ вопросы братской жизни. Отъ нея зависитъ пріемъ новыхъ членовъ Братства. Она свободно пополняется сама изъ числа пріемныхъ братьевъ, при чемъ наблюдаетъ тотъ принципъ, чтобы руководство братскою жизнью принадлежало не большинству всѣхъ членовъ Братства, а испытанному и надежному меньшинству. Сама дума выбираетъ изъ своей среды пожизненнаго блюстителя.

Для управленія собственно трудовою жизнью Братства Братская дума выбираетъ изъ всѣхъ членовъ *хозяйственный советъ и правленіе*.

Затѣмъ всѣ члены Братства раздѣляются на братскія семьи. Братская семья представляетъ изъ себя тѣсную

артель братчиковъ, занимающихся однороднымъ трудомъ. Въ настоящее время такихъ братскихъ семей—девять. Носятъ онѣ имена святыхъ—семья св. Николая Чудотворца, св. Іоанна Богослова, св. Княгини Ольги и т. д. Одна семья—учителей (св. Николай Чудотворца), другая семья членовъ, занимающихъ разныя административныя должности при Воздвиженскомъ имѣніи (св. Іоанна Богослова), третья семья сыроваровъ, четвертая—прачекъ и пр. Я сейчасъ не счѣмъ перечислить въ этомъ отношеніи всѣ братскія семьи, а въ отчетахъ самого Братства онѣ перечисляются подъ именами святыхъ; но я могу сказать, что всѣ братскія семьи въ настоящее время, при незначительномъ количествѣ членовъ Братства и при громадности владѣній и сложности задачъ Братства, или занимаютъ административное и интеллигентное, вообще привилегированное положеніе въ системѣ братской жизни, или же обслуживаютъ только валичный составъ Братства—шьютъ, моютъ для него и т. д.

Остановимся на жизни братской семьи. Братская семья представляетъ изъ себя соединеніе нѣсколькихъ, брачныхъ и безбрачныхъ, членовъ, имѣющихъ общій трудъ, общій домъ и столъ. Пока всѣ семьи помѣщаются въ домахъ, которые прежде имѣли разное назначеніе въ имѣніи и потому не вполне приспособлены для новой цѣли. Но уже строятся новыя братскія общежитія. Въ новомъ домѣ обитаетъ семья св. Іоанна Богослова. По типу этого дома предполагается и въ будущемъ строить братскія общежитія. Это большой каменный двухъэтажный домъ. Предназначенъ для 12 семейныхъ членовъ Братства. Въ немъ—двѣнадцать частныхъ комнатъ для семейныхъ и общія комнаты—столовая, три комнаты для дѣтей, небольшая прачешная для мойки дѣтскаго бѣлья и кухня. Семейные члены имѣютъ свою отдѣльную комнату, а холостые помѣщаются по нѣскольку въ спальнѣ. Частныя помѣщенія не велики—самое большее, для двухъ взрослыхъ и трехъ дѣтей. Общаго типа. Кромѣ кроватей—гардеробный и бѣльевой шкафы, столъ для письменныхъ и подобныхъ занятій; въ переднемъ углу божница, окаймленная бѣлой занавѣсью, съ лампадой. Убранство комнатъ очень однообразно. Однообразная одежда—черная блуза и черныя брюки у братьевъ и темно-синія платья у сестеръ. Для молитвы утренней и вечерней всѣ члены братской семьи

собираются въ столовую. На обѣдъ и ужинъ обычно подаются борщъ съ мясомъ и каша съ саломъ, съ масломъ или молокомъ; на завтракъ или супъ въ семьяхъ, занимающихся физическимъ трудомъ, или чай въ остальныхъ семьяхъ. Содержаніе (столъ и одежда) каждого члена Братству обходится въ годъ отъ 105 до 125 рублей. Общія дѣтскія служатъ: двѣ спальнями для мальчиковъ и дѣвочекъ старшаго возраста, а одна для общихъ дѣтскихъ игръ. Я долженъ сказать два слова о братскихъ дѣтяхъ. Легко представить себѣ, что все населеніе Братства связано узами тѣснаго содружества, которое замѣтно обнаруживается вовнѣ: всѣ знаютъ другъ друга, называютъ другъ друга ласковыми именами, члены одной братской семьи имѣютъ общій столъ и домъ. Дѣти считаются членами Братства и содержатся на общій счетъ Братства, независимо отъ числа ихъ въ брачной семьѣ. Все это отражается на дѣтяхъ въ высшей степени благотворно. Всѣ они ласковы, довѣрчивы, привѣтливы. Бывало проходишь мимо того или другого братскаго дома, около котораго копошится группа дѣтвора въ возрастѣ отъ 4 до 7 лѣтъ. Завидятъ тебя дѣтишки и подбѣгаютъ. „Здравствуй, дядя! Какъ тебя зовутъ? А гдѣ ты былъ? Куда идешь? Посмотри наши игрушки“.... Или проходимъ, при осмотрѣ братскихъ помѣщеній, чрезъ комнату, въ которой сидитъ въ качалкѣ только-что проснувшійся малышъ, и рѣдко кто не скажетъ ему ласковаго привѣтствія, не тронетъ его за ручку—а насъ было около 25 человекъ—и онъ смотритъ на всѣхъ своими свѣтлыми глазами, улыбается... И всему поселку эти здоровыя, веселыя и привѣтливыя дѣтишки придаютъ хорошій, сердечный видъ... Самыя старшія изъ братскихъ дѣтей въ настоящее время достигаютъ, кажется, семилѣтняго возраста. И предъ Братствомъ возникаетъ новая задача—создать приготовительную школу для своихъ дѣтей.

Жизнь каждой братской семьи—общая. Во главѣ ея стоитъ старшина, назначаемый Братской думой. Назначается для всѣхъ работа или общая, или обнимающая разныя стороны потребностей братской семьи. Напр. младшія дѣти поручаются одной сестрѣ, другая находится при дѣтяхъ отъ 4—7 лѣтъ; однѣ на кухнѣ. Распорядитель работами дѣйствуетъ въ согласіи со всѣми членами братской семьи. Общие вопросы братской семьи рѣшаются на собраніяхъ всѣхъ ея

членовъ. Каждая братская семья ведетъ лѣтопись, которая прочитывается и обсуждается на этихъ собраніяхъ ¹⁾. Между

¹⁾ Вотъ выписка изъ хроники (учительской) семьи Св. Николая Чудотворца за недѣлю съ 28 марта по 3 апрѣля, прочитанная при насъ.

„Идутъ экзамены, самый разгаръ, такъ сказать, ихъ; много разговоровъ о разныхъ подробностяхъ того или иного экзамена, вечерами иногда чтеніе сочиненій.

Костя (ребенокъ 4-хъ лѣтъ) сталъ уже совсѣмъ поправляться и Федоръ Евфимовичъ повеселѣлъ. Ожидали пріѣзда Н. Н. во вторникъ, но онъ телеграммой отложилъ свой отъѣздъ на четвергъ, потомъ на субботу, наконецъ совсѣмъ не пріѣхалъ на этой недѣлѣ. Дорога все ухудшается, погода стоитъ очень плохая, сырая, холодная, со снѣгомъ и настоящими мятелями, трудно поэтому бываетъ даже по хутору пройти. Въ среду было обычное собраніе семьи. Читали недѣльные хроники за послѣднее время за мартъ мѣсяцъ—С. Н. К., А. Н. П. и Н. С. Д. Въ первой изъ этихъ хроникъ С. Н. записалъ собраніе семьи отрывисто и безцвѣтно, такъ что главное совсѣмъ не было подчеркнуто. Выпущено было серьезное указаніе семьи, сдѣланное на этомъ собраніи, на узкій, крайній эгоизмъ, который проявлялся матерями въ стремленіи получше подкормить своихъ дѣтей, выпущенъ былъ также случай съ улучшеніемъ дѣтскаго супа. Фактъ былъ въ томъ, что У. А. Ч. заподозрѣла, что супъ дѣтскій лучше съ тѣхъ поръ, какъ хозяйки стали имъ кормить своихъ маленькихъ дѣтей, а до тѣхъ поръ онъ былъ худшаго качества.

Передавая это подозрѣніе, старшина просилъ сестеръ допросить себя въ совѣсти своей объ этомъ, потому что, если бы это была правда, то это было бы отвратительное проявленіе самаго черстватаго семейнаго эгоизма. На это отвѣтъ дали сестры на слѣдующемъ собраніи семьи, записанномъ Н. С. Д.: отвѣтъ этотъ безъ предварительной записи въ хроникѣ С. Н. вышеизложеннаго факта—является непонятнымъ.

М. И. Л. просила братьевъ не класть шапокъ на столъ въ гостинной, а оставлять ихъ въ передней, такъ какъ это придаетъ безпорядочный видъ комнатѣ. Н. К. С. полагалъ по этому поводу, что можно было бы нѣсколько освободить нашу переднюю отъ вещей и поставить тамъ столикъ, на которомъ и класть шапки. Затѣмъ А. А. Л. предложилъ по вопросу о дѣтскомъ столѣ нѣсколько примѣрныхъ обѣдовъ для дѣтей и нѣсколько общихъ замѣчаній о питаніи дѣтей; обсуждать этого не стали. А. Н. К. сообщилъ семье, что родные Л. Ф. К. болѣютъ все время и просятъ ее пріѣхать мѣсяца на 2. А. Н. думаетъ самъ поѣхать тогда на короткое время и вернуться съ Сашей, а Л. Ф. останется уже тамъ одна. Разрѣшеніе на такой отпускъ можетъ дать только Дума, семья же слѣдуетъ только рѣшить, можно ли устроить Сашу; А. Н. думать бы, что онъ можетъ быть вполне на попеченіи дежурной. М. И. Л. думаетъ, что для дежурной трудно будетъ справиться, тѣмъ болѣе лѣтомъ, когда А. Н. нужно будетъ рано вставать и уходить на работу, къ тому же у насъ теперь очень мало сестеръ на дежурствахъ. Предложили сестрамъ подумать, можно ли устроить Сашу въ такомъ случаѣ своими силами

собою разныя братскія семьи, независимо отъ рода труда, равноправны: занятія интеллигентныя и административныя не предпочитаютъ физическому труду.

или нужно просить кого либо на помощь. Затѣмъ Ѳеодоръ Евфимовичъ Чвертка (старшина) спросилъ всѣхъ о взаимныхъ отношеніяхъ, нѣтъ ли какихъ либо недоразумѣній. Всѣ отозвались, что ничего не имѣютъ и довольны. Теперь мы приближаемся ко времени говѣнія, сказали старшина Ѳеодоръ Евфимовичъ—къ Страстной недѣлѣ, когда нужно особенно постараться исправить, уладить всякія несогласія и недоразумѣнія между собою, устранить всякое недоброе чувство къ кому бы то ни было; нужно намъ очищать себя отъ всякаго горькаго чувства, которому хотя бы и случайно дали мы возможность накопиться въ душѣ. Я хочу подѣлиться чувствами, которыя переживалъ въ это время: у большинства изъ насъ есть уже дѣти и потому должны быть родительскія чувства. Когда заболѣлъ Костя и болѣзнь съ каждымъ днемъ становилась все упорнѣе и упорнѣе, я пережилъ много горькаго тревожнаго чувства, даже отчаянія временами, которыя смѣнялись надеждой и облегченіемъ на душѣ при всякомъ признакѣ улучшенія въ его здоровьѣ. Для меня, я прямо скажу, непереносимымъ ударомъ была бы смерть Кости, можетъ быть, это нехорошо, даже грѣхъ; говорятъ же, что если любить кого такимъ образомъ, то отымается. Это тяжелое чувство во мнѣ усугублялось еще сознаниемъ полной безпомощности: доктора нельзя было вызвать вслѣдствіе бездорожья. И вотъ оставалось только одно—молитва. Говорять, кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не малывался, и еще, что дѣти научать родителей молиться Богу; и это правда; эта недѣля много мнѣ принесла, многое пережилось. Теперь я надѣюсь, что въ другой разъ я спокойнѣе отнесусь при такомъ случаѣ, не съ такимъ волненіемъ; но теперь это было ново для меня. Я хотѣлъ этимъ подѣлиться съ вами, такъ какъ увѣренъ, что каждый пойметъ эти чувства. Въ такое время конечно особенно дорого участіе и я хотѣлъ принести свою благодарность всѣмъ присутствующимъ и многимъ отсутствующимъ членамъ Братства за ихъ сердечное участіе, за теплыя молитвы: мнѣ дорого было замѣтить каждое крестное знаменіе при молитвѣ за Костю. Хотя за это время я былъ совсѣмъ оторванъ отъ семьи, но мнѣ кажется, что именно въ это время я еще болѣе сроднился со всѣмъ Братствомъ, такъ какъ видѣлъ и чувствовалъ, что живъ настоящій духъ братской жизни въ насъ, искренно-сердечное участіе другъ къ другу. Особенно вызываетъ чувство благодарности, что эти теплыя чувства проявляются не только къ тебѣ лично, но и къ тому, что дорого для тебя. Такъ вѣдь и должно быть, нужно, чтобы ребенокъ одного былъ дорогъ всѣмъ. Не нужно пропускать намъ случая выражать свои чувства въ такихъ обстоятельствахъ—это сильно роднитъ и сближаетъ въ одну истинно братскую семью.

Всѣ поблагодарили Ѳеодора Евфимовича за то, что онъ подѣлился своими чувствами и этимъ закончилось собраніе.

Въ четвергъ начали поспѣлку общегита къ празднику; бѣлили только общія комнаты, частныхъ на этотъ разъ старшина Ѳеодоръ Евфимовичъ не

Я уже сказалъ, что въ Воздвиженской экономіи члены Братства составляютъ собственно лишь администрацію имѣнія, да изъ нихъ же скотники и коровницы при молочномъ скотѣ, а всѣ остальные полевые и хозяйственныя работы производятся наемными рабочими. Но есть одна семья въ

разрѣшилъ бѣлить. Какъ обычно въ это время въ продолженіи двухъ дней было очень плохо въ комнатахъ, негдѣ было что называется приткнуться—гдѣ бѣлятъ, гдѣ моютъ, гдѣ загромождено. Небольшое неудовольствіе было между старшиной Федоромъ Евфимовичемъ и хозяйками; первый былъ недоволенъ на то, что нѣкоторые въ своихъ комнатахъ велѣли помазать печки и трещины, а хозяйки на нераспорядительность, вслѣдствіе чего велѣно было побѣлить печки въ корридорахъ и передвей уже послѣ того, какъ были вымыты полы въ этихъ комнатахъ. На этихъ дняхъ ослабѣвшій на время интересъ къ событіямъ на театрѣ военныхъ дѣйствій снова выросъ, теперь слѣдять за движеніемъ эскадры Роже-стенскаго.

Относительно предстоящихъ праздниковъ въ семьѣ говорили, что хорошо было-бы какимъ нибудь образомъ уменьшить хлопоты на Страстной недѣлѣ, можно мевше печь пасохъ, лучше послѣ праздника испечь свѣжаго хлѣба, а то у насъ долго еще послѣ Пасхи берегутся совсѣмъ засохшіе куличи.

Можетъ быть въ этомъ году такъ и сдѣлаютъ тѣмъ болѣе, что сестрамъ придется очень трудно, такъ какъ ихъ мало. Нужно будетъ просить у Маріи Николаевны на это время кого либо изъ сестеръ помочь присмотрѣть за дѣтьми. Е. В. П-ва сама предложила сестрамъ притти помогать имъ печь пасхи, такъ какъ будетъ свободна это время. Въ субботу у насъ были пріѣзжіе гости Н. А. Б. и И. В. К. Первый пріѣхалъ познакомиться съ Братствомъ, а второй просить принять его въ Братство. Б. произвелъ пріятное впечатлѣніе, онъ, видимо, серьезно заинтересованъ Братствомъ, такъ какъ самъ предполагаетъ организовать небольшую общину. Онъ ужиналъ у насъ, въ воскресенье обѣдалъ, рассказывалъ, какъ онъ посѣщалъ Толстого. Второй гость очень молчаливъ и застѣнчивъ, такъ что впечатлѣнія опредѣленнаго отъ него нельзя было имѣть. Въ воскресенье не было ничего въ виду очень плохой погоды. Утромъ Г. Г. принесъ къ намъ свою маленькую Маню; онъ послѣ долгаго обдумыванья и посовѣтовавшись съ докторомъ рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ А. Е. и отдалъ ей своего ребенка (т. е. по смерти его матери). А. Е. и А. И. охотно по-братски предложили свою помощь отцу. Многие члены семьи были искренно рады такому чисто братскому свѣтлому явленію.

Разумѣется другой ребенокъ доставитъ много хлопотъ и неудобствъ—какъ А. Е. такъ и А. И-чу, но они изъ братскаго чувства охотно взяли все это на себя. Да поможетъ Господь А. Е-нѣ во взятомъ ею на себя отвѣтственномъ дѣлѣ, а мы всѣ, особенно сестры, своимъ отношеніемъ, кто чѣмъ можетъ, надѣюсь, облегчатъ ей ея задачу.

Братствѣ, которая составляетъ собственно сельско-хозяйственную рабочую артель. Она обитаетъ въ Рождественскомъ хуторѣ. Тамъ работаютъ сами братчики, впрочемъ при помощи наемныхъ рабочихъ. Когда мы были на этомъ хуторѣ, мы застали братьевъ за уборкой кормовой травы... Въ домѣ насъ угостили хорошимъ квасомъ: день былъ знойный... Осматривали мы дѣтскій пріютъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Рождественскій хуторъ представляетъ изъ себя самый интересный уголокъ Воздвиженскаго Братства. Болѣе всего, повидимому, любопытно знать, какъ идутъ работы на этомъ хуторѣ, каковы здѣсь результаты. Разумѣется, наблюсти это въ свое кратковременное пребываніе на хуторѣ мы не могли. Но вотъ свѣдѣнія, которыя можно получить изъ отчетовъ Братства.

Хуторъ Рождественскій былъ основанъ въ 1892 году на окраинѣ полей Воздвиженской экономіи, въ разстояніи 3-хъ верстъ отъ Воздвиженска; онъ устроенъ специально для поселенія Братской рабочей артели. На хуторѣ былъ выстроенъ домъ для братскаго общежитія и скотные дворы; новое хозяйство было снабжено необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ — живымъ и мертвымъ; стоимость инвентаря, а также затраты на озимые посѣвы были записаны на счетъ новой Братской артели, образовавшейся въ большинствѣ изъ выпуска воспитанниковъ Воздвиженской С-х. школы 1892 года. За земли, отошедшія въ пользованіе артели въ количествѣ 233 десятинъ, была положена ежегодная аренда въ суммѣ 1339 р. 90 коп. Впослѣдствіи арендная плата была замѣнена обязательствомъ для артели—содержать дѣтскій пріютъ, учрежденный на этомъ хуторѣ. Учредители Братства смотрѣли на Рождественскій хуторъ какъ на практическую школу, куда поступали молодые люди прямо со школьной скамьи и гдѣ они могли проявить свои практическія способности. Изъ лицъ, выказавшихъ эти способности, устраивались братскія семьи въ разныхъ экономіяхъ учредителя Братства, гдѣ они ставились на болѣе или менѣе ответственныя должности по управленію хозяйствомъ. Это дѣлалось съ единственною цѣлью подготовить членовъ Братства къ самостоятельной хозяйственной дѣятельности въ будущемъ, послѣ передачи имѣнія Братству, что имѣлось въ виду со времени возникновенія Братства. Выбывающихъ такимъ об-

разомъ изъ хутора Рождественска молодыхъ людей замѣщали вступающими въ Братство воспитанниками Воздвиженской сельско-хозяйственной школы,—людьми менѣе опытными. Все это, конечно, не могло не отражаться дурно на результатахъ молодого хозяйства Рождественскаго хутора, но съ этимъ мирились, сознательно принося въ жертву главной цѣли интересы этого маленькаго хозяйства. Также дурно отражались на хозяйствѣ Братства и довольно частые въ то время выходы изъ Братства его членовъ. Въ настоящее время Рождественскій хуторъ экономически соединенъ съ Воздвиженскимъ имѣніемъ, хотя въ немъ продолжаетъ вестись отдѣльное хозяйство съ отдѣльнымъ сѣвооборотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ. При хуторѣ состоитъ теперь 115 дес. пахатной земли и 48 дес. луговъ; раньше было пахатной земли значительно больше, но такъ какъ она была разбросана отдѣльными кусками между кустарникомъ и на окраинѣ владѣній, за лугами, и представляла почву неплодородную и крайне неудобную для обработки, то ее рѣшено было засадить сосною. Всѣ работы на поляхъ и по двору исполняются членами Братства; наемныхъ людей очень немного и они при первой возможности замѣняются членами Братства. То, что въ хуторѣ Рождественскомъ, при такомъ незначительномъ количествѣ обрабатываемой земли, все-таки приходится пока прибѣгать къ наемному труду, объясняется тѣмъ, что тамъ, кромѣ полеводства, довольно въ большомъ размѣрѣ ведется скотоводство и свиноводство; оттуда поставляется мясо для всего Воздвиженскаго имѣнія; люди нужны для ухода за садомъ и питомниками, заложенными въ количествѣ 8 десятинъ...

Въ этихъ свѣдѣніяхъ многое остается невыясненнымъ.

Братскія семьи находятся въ постоянномъ общеніи. Ихъ объединяютъ, кромѣ обычныхъ братскихъ интересовъ, праздничныя собранія и особыя братскія торжества, напр. пріемъ новыхъ членовъ. Обращается вниманіе на „красоту и торжественность“. По большимъ праздникамъ всѣ одѣваются въ бѣлое. Пріемъ новыхъ братьевъ и сестеръ сопровождается крестнымъ ходомъ, молебномъ... Существуетъ Братскій знакъ—крестикъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Братство собирается—днемъ на дѣловыя Братскія собранія или на собранія литературно-музыкальныя, а по вечерамъ на гал-

лереѣ при домѣ блюстителя для непринужденной братской бесѣды... Намъ удалось присутствовать на такой бесѣдѣ...

Остается сказать о томъ, какъ Трудовое Братство смотреть на свое будущее,—и мы закончимъ очеркъ его строя и воззрѣній.

Православное Кресто-Воздвиженское Трудовое Братство—читаемъ мы въ Краткихъ Свѣдѣніяхъ о Братствѣ, изданныхъ въ 1905 г.—предназначено быть *центральной*, какъ бы колыбелью всѣхъ будущихъ отдѣленій и имѣющихъ изъ нихъ возникнуть самостоятельныхъ трудовых братствъ, какъ въ предѣлахъ нашего отечества, такъ и за его предѣлами. Центральное Братство будетъ признано законченнымъ, когда по числу своихъ сочленовъ окажется въ состояніи довольствоваться своими силами, не прибѣгая къ помощи наемныхъ рабочихъ, когда на всемъ протяженіи братскихъ владѣній не будетъ ни одного постоянного жителя, не состоящаго членомъ Братства. Тогда молодые люди, выходящіе изъ братскихъ школъ, и лица, вновь вступающія въ Братство со стороны, будутъ приниматься попережнему въ центральное Братство, а опытные въ братскомъ дѣлѣ полноправные братья получать изъ основного капитала или доходовъ съ той части имѣнія, которая будетъ къ тому предназначена послѣ смерти послѣдняго изъ переживающихъ семьи Неплюевыхъ, ссуду на учрежденіе новаго отдѣленія Братства по договору, заключенному между основателями этого отдѣленія и думою центрального Братства. Отдѣленіе можетъ стать и самостоятельнымъ Братствомъ, никогда однако не прерывая нравственной связи съ центральнымъ Братствомъ. Такія братства могутъ быть учреждаемы не только въ селахъ, но и въ городахъ, избирая своею спеціальностью трудъ промышленный и торговый и даже всякія либеральныя профессіи, т. е. братства докторовъ, юристовъ, ученыхъ, художниковъ и пр.

Мы были въ Воздвиженскѣ экскурсіей челоѣкъ въ 25,—большинство составляли студенты нашей академіи. Пробыли въ Воздвиженскѣ три полныхъ и два неполныхъ дня. Н. Н. Неплюева не было дома,—и мы пользовались гостепріимствомъ его матушки Александры Николаевны, которая несетъ обязанности Попечительницы Преображенской с.-х.

школы, и сестеръ—Маріи Николаевны (Уманецъ), которая руководить воспитаніемъ дѣвушекъ, и Ольги Николаевны, которая завѣдуетъ Ямпольскимъ дѣтскимъ общежитіемъ. Со стороны Братства насъ принималъ Ѳедоръ Евфимовичъ, управляющій Воздвиженской школой, и Василій Михайловичъ, состоящій личнымъ секретаремъ Н. Н. Неплюева и представлявшій его въ его домѣ, въ которомъ мы жили. Насъ встрѣтили въ высшей степени радушно. Удобства, которыми было обставлено наше пребываніе, и сердечная любезность хозяекъ оставили въ насъ самую пріятную память. Были приняты всѣ мѣры, чтобы дать намъ возможность использовать время, бывшее въ нашемъ распоряженіи, для всесторонняго ознакомленія съ братской жизнью. Конечно, мы не можемъ сказать о себѣ, что на мѣстѣ изучили во всей полнотѣ братскую жизнь; но что можно было видѣть и узнать въ три дня, мы видѣли и узнали. Что прежде мы знали изъ книгъ, теперь предстало предъ нами въ качествѣ живой дѣйствительности; слова, формулы, цифры приняли для насъ плоть и кровь; мы видѣли картину братской жизни и почувствовали ея атмосферу. Нужно было видѣть, какъ братскія дѣтишки при первомъ удобномъ случаѣ безцеремонно взбирались на колѣна къ Александрѣ Николаевнѣ, чтобы понять, какая здѣсь царитъ простота сердечныхъ отношеній. Мы видѣли школьниковъ за работой въ мастерскихъ и подивились ихъ силѣ и ловкости; мы бесѣдовали съ членами старшаго Братскаго кружка и не менѣе подивились той самоувѣренности, съ какою они отвѣчали опредѣленными словами по всѣмъ вопросамъ христіанской жизни,—очевидно, всякія сомнѣнія устранены отъ нихъ прежде, чѣмъ могли въ нихъ возникнуть. Намъ хотѣлось поговорить и съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ, не числящихся въ братскихъ кружкахъ, но намъ это не удалось. Намъ назвали одного изъ старшихъ, какъ упорно отказывавшагося вступить въ братскій кружокъ; но когда мы съ нимъ встрѣтились, выяснилось, что онъ уже заявилъ о своемъ желаніи зачислиться въ младшій Братскій кружокъ. О томъ, что Воздвиженску, изобилующему лѣсами и парками, недостаетъ проточной воды, мы уже знали изъ описаній Воздвиженскаго Братства, но нужно было лично посѣтить Воздвиженскъ, чтобы видѣть странное обстоятельство: всѣ жен-

щины и дѣвушки Крестовоздвиженскаго Братства нецѣлѣтущи,—и на всѣхъ лежитъ какая-то печать грусти. Я называю это обстоятельство страннымъ, потому что женщины въ Братствѣ не изнурены работой и находятся въ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. Я говорилъ объ этомъ съ членами Братства и мнѣ отвѣчали: „Мы это знаемъ. На это печальное обстоятельство въ Братствѣ уже обращалось вниманіе, но не извѣстны причины его“. Можетъ быть, эта печать грусти и эта тѣнь аскетизма неотъемлемый признакъ христіанства?...

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Воздвиженска, вечеромъ воскреснаго дня, собралось все Братство въ домѣ Н. Н. Неплюева, въ которомъ мы обитали, и наша бесѣда на верандѣ этого дома затянулась до поздняго часа. По желанію своихъ студентовъ, я сказалъ коротенькую рѣчь Братству. Не могу сейчасъ воспроизвести буквально того, что у меня тогда вылилось подъ живымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго... Сказалъ я, что наши экскурсанты являются здѣсь—и кажется первыми—представителями богословской науки, что по существу между задачами Братства и задачами богословской школы находится тѣсная связь и между нами должно быть живое общеніе. Здѣсь стремятся на практикѣ осуществить то, что мы изучаемъ въ теоріи, и дѣло Братства для насъ полно интереса какъ одинъ изъ опытовъ, безъ отношенія къ которымъ наша богословская наука является отвлеченною и схоластическою. Мы, богословы, должны внимательно изучать то, что здѣсь дѣлается. Но и представители Братства должны быть внимательны къ нашей богословской наукѣ, если хотятъ быть чуждыми сектантской исключительности и партійной односторонности. Миновали тѣ времена, когда богословская наука была мертвымъ изученіемъ мертваго матеріала; нынѣ мы прямо и смѣло смотримъ въ глаза самой жизни, не сторонимся отъ ея запросовъ и принимаемъ самую откровенную постановку религіознаго вопроса. Если на сторонѣ Братства преимущество живого опыта, то на нашей сторонѣ преимущество широкаго историческаго горизонта и объективнаго безпристрастія, не суженнаго оградой одного лишь двора, хотя бы и просторнаго. Мы ставимъ для себя задачей прослѣдить всю историческую даль христіанскаго опыта и ознакомиться со

всѣми его явленіями въ современной жизни, которыя можемъ сравнивать... И вотъ въ эти дни мы проѣхали почти всю Россію отъ холоднаго сѣвера до жаркаго юга... И мы можемъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ не встрѣтили такого своеобразнаго уголка. Эти сердечныя отношенія братьевъ и сестеръ, эти объединяющія всѣхъ высокія христіанскія задачи, это радушное гостепріимство, которое мы здѣсь нашли, сдѣлаютъ для насъ навсегда памятными дни, проведенные здѣсь... Поблагодаривъ Братство за его гостепріимство и за тѣ удобства, въ которыхъ мы познакомились съ его жизнью, я просилъ простить насъ, если мы слишкомъ назойливо заглядывали въ каждый уголокъ, въ ихъ души, если мы въ своихъ бесѣдахъ, особенно съ учениками, ставили искушающіе вопросы: это проистекало единственно отъ нашей любознательности, отъ нашего желанія все вывѣдать, все видѣть и слышать, но никакъ не отъ нашего недовѣрія къ ихъ дѣлу. Мы хотѣли только узнать и даже воздерживаемся отъ критики, такъ какъ не хотимъ ослаблять живыхъ впечатлѣній... Впрочемъ въ эту минуту, близкую къ разставанію, считаемъ вѣроятнымъ желаніе членовъ Братства знать наше мнѣніе объ ихъ дѣлѣ. Но мнѣніе каждаго изъ насъ есть личное мнѣніе, которое ничѣмъ не можетъ быть стѣснено, но и не можетъ имѣть какого либо обязательнаго значенія. Если угодно, я могу высказать свое мнѣніе, рискуя быть непонятымъ, такъ какъ оно исходитъ изъ нѣкотораго міровоззрѣнія, Братству конечно неизвѣстнаго, но оставляя за собою право впослѣдствіи высказаться полнѣе и яснѣе. Я цѣню съ христіанской точки зрѣнія лица, а не формы. И во всемъ дѣлѣ Братства я вижу и цѣню дѣло одной личности—его основателя. Всѣ члены Братства для меня пока не дѣятели, а благотворимые, при чемъ форма ихъ жизни интересуетъ меня исключительно какъ форма благотворенія по отношенію къ нимъ, но не какъ самобытнсе начало новой жизни, на которое возлагаютъ большія надежды... Конечно, и каждый ученикъ, усовершенствовавшись, можетъ быть какъ учитель и даже выше его. Но это дѣло будущаго. И мы отъ души желаемъ, чтобы каждый изъ членовъ Братства не почилъ на полученномъ, но сталъ бы живымъ подражателемъ своего учителя...

Сердечно простились мы съ Братствомъ...

Крестовоздвиженское Трудовое Братство имѣетъ много друзей, съ которыми находится въ дѣятельныхъ и разнообразныхъ, преимущественно письменныхъ, сношеніяхъ, и много недоброжелателей, отъ которыхъ старательно отписывается. Среди послѣднихъ особенно извѣстенъ Ив. Абрамовъ, написавшій брошюру *Въ культурномъ скиту* (среди неплюевцевъ), заклеименный среди членовъ Братства именемъ ренегата. Въ этой брошюркѣ указывается на согладатайство, ханжество и лицемеріе, которыя порождаются системой воспитанія, принятой въ Воздвиженскихъ школахъ, на гипнотизирующее и подавляющее всякіе проблески индивидуальнаго развитія вліяніе личности г. Неплюева на учениковъ, на барскую театральность пріемовъ, которыми обставляется его отношеніе къ школѣ и Братству, на его любовь къ красивой фразѣ, на сантиментальную и удушливую атмосферу постоянныхъ поцѣлуевъ, рѣчей, адресовъ, на паразитарную жизнь братчиковъ и на дурное экономическое и санитарное положеніе рабочихъ въ экономіяхъ г. Неплюева. Съ своей стороны я рекомендую брошюрку Абрамова (и названныя въ ней статьи другихъ отзывовъ о Братствѣ) вниманію всѣхъ, кто заинтересованъ именно въ практической сторонѣ братской жизни, кто напр. хотѣлъ бы, при возможности, примѣнить ту же систему воспитанія къ какойнибудь школѣ. Я принципиально не противъ такого рода критики, какая примѣнена въ брошюркѣ Абрамова, т. е. разсмотрѣніе закулисныхъ мелочей, которыя могутъ набрасывать тѣни ироніи и подозрѣнія на громкое дѣло. И во всякомъ случаѣ представители Братской системы должны считаться съ голосомъ тѣхъ, которымъ они благодѣтельствуютъ, которыхъ они воспитываютъ: если съ этой стороны раздается протестъ противъ желѣзной дисциплины и шпионства, то это не можетъ быть для нихъ безразличнымъ. Пусть, наконецъ, это только неудавшіеся, ренегаты, но вѣдь и они были въ этой системѣ, они могутъ быть названы жертвами ея. Если бы только одна такая жертва была заложена въ основу братской жизни, то и это уже заставило бы насъ призадуматься.

Я принципиально не противъ такой закулисной критики, но лично я далекъ отъ нея. Признаюсь въ своей неосвѣдомленности съ этою стороною братской жизни,—поэтому я

не могу провѣрить этого отзыва, не высказываюсь ни за него, ни противъ него. Я не собираюсь устраивать школы, не беру на себя составленіе уставовъ,—мое вниманіе поглощается идейною стороною дѣла. Я склоненъ понимать людей и объяснять ихъ дѣйствія въ лучшую сторону. Конечно, могутъ смѣшиваться съ хорошими и дурные мотивы, хорошее въ общемъ дѣло можетъ имѣть смѣшныя детали, но это важно лишь для того, кто смотритъ на самую форму, а не для того, кто смотритъ на суть дѣла. Если и правда, что въ *этомъ* случаѣ къ хорошему присоединяется смѣшное и къ великому мелочное, то вѣдь не трудно предположить, что въ другомъ случаѣ этого соединенія могло бы и не быть. По существу дѣло нужно судить въ основномъ, а не случайномъ. Я и ставилъ задачею своего очерка такъ изобразить основу и жизнь Братства, какъ та и другая предносятся взору самихъ учредителей и членовъ Братства. И думаю, что въ этомъ отношеніи на меня едва-ли могутъ посягнуть дѣятели Воздвиженска. Меня скорѣе можно упрекнуть въ противномъ, что я при описаніи слишкомъ близко держался буквы братскихъ уставовъ и не внесъ достаточно деталей. Но я и хотѣлъ очертить основную сторону братской жизни, т. е. лучшую возможную братскую организацію, не заподозривая никого въ неискренности. И теперь я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній съ этой же существенной точки зрѣнія—во исполненіе своего обѣщанія Братству.

Важнѣйшій недостатокъ въ религіозномъ міровоззрѣніи Н. Н. Неплюева тотъ, что въ немъ не обезпечивается свобода автономной разумной личности. Не только вообще каждый религіозенъ по-своему, но и въ частности христіанская религія каждымъ усвоется, если только усвоется, во свѣтѣ личности,—усвоенное христіанство не есть общая формула, а личное творчество. Это по смыслу евангелія. Поэтому настойчивое желаніе учредителя Братства, чтобы члены Братства думали его мыслями и говорили его словами, не можетъ имѣть перспективы долговѣчности. Въ этомъ случаѣ даже недостатокъ литературнаго таланта, вполне понятный у практическаго дѣателя, отсутствіе литературно-изящной закругленности системы и афористическихъ формулъ, возбуждающихъ самодѣятельность мысли и создающихъ сектантскую изолированность, можетъ сыграть неблагоприятную

роль, несмотря на утомительное повтореніе одиѣхъ и тѣхъ же мыслей и словъ. Прочна лишь та система, которая рассчитана на свободное творчество грядущихъ поколѣній. То же слѣдуетъ сказать и относительно практическихъ формъ жизни. Если формы не претендуютъ на сакраментальное значеніе, если онѣ не подвоятся подѣ категорію мертвого и тяжелаго долга, то ихъ увѣковѣченіе въ лучшемъ случаѣ вызоветъ протестъ, въ худшемъ создать лицемѣріе. Въ предисловіи Н. Горбова къ *Сельской школѣ* С. А. Рачинскаго разсказывается слѣдующее. „....Послѣ ужина мой помощникъ и другъ, Романъ Степановичъ Крыловъ, также бывшій ученикъ Рачинскаго (нынѣ уже діаконъ), обыкновенно молился одинъ въ опустѣвшемъ классѣ. Я не входилъ туда, чтобы не мѣшать ему. Между тѣмъ началъ я замѣчать, что часто въ спальнѣ (она же и столовая), гдѣ послѣ ужина оставались ученики, недостаетъ нѣсколько мальчиковъ, преимущественно изъ старшихъ. Взглянулъ я разъ въ классъ и вижу: передъ иконой молится Романъ, а поодаль на колѣняхъ стоитъ кучка ребятъ, что они начали приходить потихоньку, стараясь быть незамѣченными, въ классъ, — и тоже молились.“ Не правда ли, чудная картина? Христосъ былъ съ этими потихоньку приходившими помолиться. Но послушайте дальше. „Потомъ они упросили Романа вычитывать всѣ молитвы вслухъ. Такимъ образомъ сама собой, по желанію самихъ же ребятъ, вечерняя молитва расширилась, и теперь на ней прочитываются уже всѣ *молитвы на сонъ грядущимъ*, для поддержанія бодрости прерываемыя пѣніемъ“... Потомъ, конечно, для поддержанія бодрости придется прибѣгать къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, бороться съ разговорами и смѣшками во время молитвы, повторить все то, что теперь продѣлывается во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ. Какъ не поймутъ люди, что переходъ отъ добровольнаго дѣла, выливающегося въ свободную форму, къ обязательной формѣ есть самый рѣшительный, что это величайшій грѣхъ — осквернить святую свободу религіознаго творчества номинативными кандалами. Въ брошюрѣ А. Лютецкаго *Самобытное воспитаніе* передается, что организація братскихъ кружковъ въ Воздвиженской школѣ возникла свободно. Это прекрасно. Но она и должна продолжаться свободно. Если же на внѣкружковыхъ смотреть косо, то стало быть ангелъ сво-

боды давно отлетѣль на небо, а на его мѣстѣ вселилась мертвая дисциплина. Ничего такъ не нужно избѣгать, какъ лицемѣрія. Христось время отъ времени спрашивалъ своихъ учениковъ: „не хотите ли вы отойти отъ Меня“? А простымъ смертнымъ учителямъ нужно повторять такіе вопросы предъ своими учениками ежедневно. Изъ трехъ учениковъ старшаго Братскаго Кружка на мой вопросъ: „на чьей сторонѣ у васъ соблазняющія выгоды, кто изъ васъ герои—вступающіе въ кружки или остающіеся внѣкружковыми?“—двое отвѣтили: „конечно, мы герои царства Божія“, а третій сказалъ: „ну, что вы? Чтобы не вступить въ кружокъ, нужно быть героемъ“... Въ предѣлахъ школы воспитаніе можно основывать на внушеніи и дисциплинѣ, но мысль, что этимъ путемъ можно создать дѣятелей жизни и пересоздать самую жизнь, нужно назвать утопій. Искусственная изоляція не можетъ быть признава серьезной мѣрой. Прежде всего, въ отношеніи къ внутреннимъ предѣламъ самой колоніи—на чемъ основываются надежды на долговѣчность воспитательнаго значенія заведеннаго строя? *Руководящія правила въ братствѣ и школахъ* его пестрятъ словами „долженъ“, „должна“, „должны“, повторяющимися сотни разъ. „Воспитанники должны понимать... должны помнить... должны сознавать... Субботній кругъ долженъ быть“... И такъ далѣе. Что это—пророчество на основаніи новооткрытыхъ силъ и законовъ или непререкаемое законодательство въ надеждѣ на новыя силы, привитыя человѣчеству? Если ни то, ни другое, то это пустыя слова. И ихъ безсиліе скоро окажется. Исходя только изъ прожитой исторіи христіанства, легко предвидѣть распаденіе колоніи. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ Братствѣ подрастаютъ дѣти. Кто поручится, что всѣ они свободно воспитаются въ духъ Братства, что половина ихъ не потребуетъ свободы младшихъ сыновей—свободы (не говорю жить распутно) по своему мыслить, по своему молиться? Достоевскій самымъ страшнымъ зломъ каторги называлъ то, что несчастный лишается возможности остаться въ одиночествѣ. Побывать время отъ времени одному съ самимъ собою—это такая святая потребность. Религія преимущественно есть дѣло одинокой личности. Помолиться своему Богу, своему Отцу Небесному—это въ нѣныя минуты и для нѣныхъ натуръ столь же необходимо, какъ въ другія минуты и для другихъ натуръ объеди-

ниться въ молитвѣ. Для иныхъ дороже всего мыслить своими словами, составить свою систему міровоззрѣнія, попытать свои пути... Нынѣ члены Трудового Братства оставляютъ отца и мать; придетъ время, и они станутъ въ коллизію съ своими дѣтьми. Не трудно оставить отца и мать, труднѣе—бросить дѣтей. И предъ Трудовымъ Братствомъ возникнетъ дилемма: или извергать вмѣстѣ съ неудавшимися дѣтьми ихъ родителей, или расширить свободныя условія пребыванія въ Братствѣ. О томъ, что дѣти духовенства должны посвящать себя тому же служенію, наговорено много красивыхъ словъ; однако этотъ порядокъ сдѣлалъ изъ духовенства простыхъ наемниковъ. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ подобное пониженіе нравственнаго уровня пережило все христіанство, лишь только всѣ дѣти христіанъ стали считаться христіанами. Какъ можетъ избѣжать одинаковой судьбы и Воздвиженское Братство?...

Много важнѣе вопросъ объ отношеніи Братства къ окружающему міру. Трудовому Братству постоянно приходится слышать такое возраженіе: „Братство замыкается, живетъ своею обособленною жизнью и не приноситъ никакой пользы окружающему обществу“. Въ отвѣтъ на такое возраженіе учредителемъ Братства составлена брошюра *Жизненное значеніе трудовыхъ братствъ церковное, государственное и общественное—бесѣда для друзей и враговъ*. Здѣсь учредитель Братства пишетъ: „Если мы не беремъ на себя судить тѣхъ, кто не приступаетъ къ дѣлу устроенія жизни на началахъ вѣры, любви и мира, не считая себя въ правѣ оскорблять ихъ публичными выговорами за это, справедливость требуетъ, чтобы и мы не подвергались оскорбленіямъ публичныхъ выговоровъ за то доброе дѣло, которое безкорыстно и самоотверженно созидаемъ на пользу общую... Обвинять насъ въ томъ, что мы излишне обособляемся, со стороны лицъ постороннихъ нашему дѣлу несправедливо, жестоко и оскорбительно для насъ какъ судъ надъ совѣстью нашею“... На это слѣдуетъ отвѣтить, что можно не судить лицъ и судить принципы ихъ дѣятельности. Если бы члены Трудового Братства просто жили, какъ имъ хочется, то ихъ жизнь не имѣла бы принципиальнаго значенія и они въ правѣ были бы требовать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, но они претендуютъ на то, что осуществляютъ въ своей жизни христіан-

скіе принципы, и потому лица постороннія могутъ судить о принципахъ ихъ рѣчей и дѣлъ,—тѣмъ болѣе, что въ основѣ ихъ идеи лежитъ рѣзкая критика всего наличнаго строя жизни и мысль, что форма Братства есть единственная форма осуществленія христіанства. Это, какъ хотите, смѣлый вызовъ всѣмъ постороннимъ лицамъ высказаться объ ихъ дѣлѣ. Всѣ, принимающіе близко къ сердцу вопросъ христіанскій и вопросъ общественный, должны рѣшить: 1) осуществляется ли идея христіанства въ формѣ Трудового Братства и 2) даетъ ли форма Братства рѣшеніе общественнаго вопроса?

Авторъ брошюры пишетъ: „То, что мы дѣлаемъ, не ново, а старо, какъ христіанство. Это именно то, что во всѣ вѣка проповѣдывалось съ церковныхъ кафедръ, что заповѣдано намъ Спасителемъ міра. Ново только наше отношеніе къ вѣрѣ. Ново то, что мы отъ словъ перешли къ дѣлу, отъ проповѣди словомъ къ проповѣди дѣломъ. Нова та степень осуществленія правды, которую мы отъ себя требуемъ, та степень практическаго осуществленія вѣры и идеаловъ, возможность которой мы на дѣлѣ доказываемъ“... Нѣтъ, нова въ исторіи христіанства столь сознательно и прямо высказанная мысль объ обособленіи христіанской общины отъ окружающаго міра въ дѣлѣ благотворительности. Врагъ древняго христіанства и защитникъ язычества свидѣтельствовалъ: „іудеи не имѣютъ у себя нищихъ, нечестивые галилеяне (христіане) питаютъ нашихъ вмѣстѣ съ своими“... Тертуллианъ говорилъ язычникамъ: „наше милосердіе даетъ болѣе на улицахъ, чѣмъ ваша набожность въ храмахъ... Если всѣ люди имѣютъ любовь къ своимъ друзьямъ, то особенность христіанъ состоитъ въ томъ, что они любятъ даже и тѣхъ, которые ненавидятъ ихъ“... Въ неограниченности своихъ благотвореній церковь всегда видѣла признакъ своей универсальности и вмѣстѣ съ тѣмъ средство для побѣды надъ всѣмъ міромъ. Этому вѣчному христіанскому принципу Трудовое Братство сознательно измѣняетъ, разрывая такимъ образомъ христіанско-общинное дѣло отъ дѣла общественнаго.

Дѣло общинное не то же, что дѣло общественное, а христіанство въ томъ, чтобы благотвореніе общины расширить до предѣловъ общественныхъ. Единеніе внутри общины еще

можетъ не побѣдить опаснаго уединенія. Вотъ относящаяся сюда страничка изъ сочиненій самого Н. Н. Неплюева. „Уединеніе, пишетъ онъ, можетъ быть одиночное, можетъ быть семейное, можетъ быть кружковое. Человѣкъ, выбравшій изъ всего человѣчества любящую и покорную жену и кромѣ нея да покорныхъ себѣ, вполнѣ отъ него зависимыхъ, дѣтей, никого и ничего знать не желающій,—развѣ это не представитель самаго грубаго семейнаго эгоизма, расширенное „я“, уединившееся отъ всего остальнаго міра? Такой человѣкъ можетъ имѣть обширныя дѣловыя и соціальныя связи, но это будетъ только внѣшнее соприкосновеніе съ толпою, общеніе биржи и раута, а не христіанское общеніе нѣжнаго братолюбія. Онъ и семья его—обособленный, замкнутый міръ, уединившійся отъ всѣхъ, не желающій интимнаго, братскаго единенія ни съ кѣмъ... Можно и изъ цѣлаго кружка лицъ, изъ цѣлой партіи, даже изъ цѣлаго народа, изъ цѣлой церкви сдѣлать для себя одну большую фиктивную семью, соединенную какими либо матеріальными интересами, фанатизмомъ, національною или исповѣдною гордостью и все это не будетъ христіанскимъ братскимъ общеніемъ, а тѣмъ же эгоистическимъ обособленіемъ еще болѣе расширеннаго „я“, уединеннаго отъ всего остальнаго міра“... Авторъ этихъ строкъ глубоко убѣжденъ, что обличенное въ этихъ словахъ уединеніе чуждо Трудовому Братству, что оно существуетъ по совершенно иному принципу. „Съ христіанской точки зрѣнія истинно братское общеніе только тамъ, гдѣ люди соединены живою вѣрою въ общаго Отца Небеснаго“... Онъ полагаетъ, что только вѣра въ общаго Отца даетъ истинное общеніе внутри самаго Братства и что такое внутреннее единеніе имѣетъ только Братство. Но это ошибочно думать, что вообще крѣпкая и нѣжная любовь возможна только въ христіанскомъ обществѣ. Нѣтъ, и язычниковъ можетъ соединять между собою крѣпкая любовь, и мытари могутъ быть нѣжны въ отношеніи другъ къ другу. Отличіе истинно-христіанской любви отъ любви языческой, отъ любви семейной и кружковой, не въ томъ, что только она есть крѣпкая и искренняя любовь, а въ томъ, что семейная и кружковая любовь ограничивается предѣлами семьи и круга, тогда какъ христіанская любовь выступаетъ за предѣлы христіанской общины. „Любите вра-

говъ вашихъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлають и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?“ Трудовое Братство хочетъ оградить себя отъ этой логики христіанской любви. Его основатель разсуждаетъ такъ: „Обвиненіе Трудового Братства въ замкнутости и обособленіи сводится къ требованію отъ насъ братскихъ отношеній не только между собою, но въ той же мѣрѣ ко всѣмъ безъ различія. Такихъ обязательствъ мы на себя не принимали и не примемъ; я совершенно отвергаю право у окружающаго насъ общества предъявлять къ намъ такія требованія. Самое понятіе „братство“ заключаетъ въ себѣ требованіе взаимности. Есть логика братская и есть логика анти-братская“. Т.-е. съ братьями нужно жить побратски, а съ прочими такъ, каковы они сами. Братскія отношенія ко всѣмъ были бы, будто, лживымъ отношеніемъ. „Мы даромъ не отдаемъ окружающему насъ міру продукты нашего труда и вообще не доставляемъ ему братскихъ выгодъ, пока онъ не желаетъ принять на себя братскій подвигъ. Вотъ почему мы не согласны обманывать народъ и заигрывать съ нимъ на почвѣ братскихъ отношеній“, т. е. улучшать матеріальное положеніе наемныхъ рабочихъ и благотворить окружающему населенію. Итакъ съ хорошими по-хорошему и съ злыми по-злему. Принципъ поражаетъ своею простотою. Но это есть ветхозавѣтный принципъ: любить ближнихъ и ненавидѣть враговъ. Христіанство открыло міру совершенно другой принципъ. Нужно любить не только ближнихъ, но и враговъ,—мало того, не только добрыхъ, но и злыхъ. Это именно значитъ любить совершенною любовью Отца Небеснаго, Который повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Единственное условіе (*conditio sine qua non*) того, чтобы община пріобрѣла христіанскій характеръ, это если община благотворитъ не только своимъ, но и чужимъ, не только добрымъ, но и злымъ, не только праведнымъ, но и неправеднымъ. Только въ этомъ единственномъ случаѣ естественная любовь перерождается въ религіозную, христіанскую. Иначе будетъ кружковая любовь людей, соединенныхъ матеріальными интересами и взаимнымъ преслѣдованіемъ идеи,—ра-

бочая ассоціація... Никто не говоритъ, что окружающее общество имѣетъ право предъявлять къ Братству какія нибудь требованія. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Дѣло въ самомъ Братствѣ. Если бы,—повторю еще разъ, его члены жили такъ просто потому, что имъ такъ хочется, то ни о какихъ правахъ окружающаго общества не было бы рѣчи. Но Братство претендуетъ быть выразителемъ христіанской идеи, съ рѣзкимъ сужденіемъ по адресу всѣхъ, кто живетъ иначе. Это иное дѣло. Въ этомъ дается основаніе прилагать къ Братству извѣстный критерій для сужденія о его дѣлахъ. „Отъ словъ своихъ оправдаешься,—и отъ словъ своихъ осудишься“. Каждый судится по своимъ принципамъ. Каждый въ своей совѣсти и въ своемъ исповѣданіи носитъ мѣру своего суда. Претендующее быть единственнымъ носителемъ въ современной жизни христіанской идеи, Крестовоздвиженское Братство *обязано* стоять на высотѣ этой идеи, *должно* быть судимо по этой идее. А оно не стоитъ на этой высотѣ, оно понижаетъ христіанскій идеалъ. За разсужденіями, что только этимъ путемъ христіанство пріобрѣтаетъ жизненное значеніе и вѣрующіе получаютъ опредѣленную программу, мы признаемъ извѣстную силу. Ну и пусть въ такомъ случаѣ прямо и открыто скажутъ, что христіанство въ своей евангельской высотѣ непримѣнимо къ жизни, не можетъ создать общины, есть чистая утопія, это по крайней мѣрѣ будетъ откровенная и искренняя мысль. Какъ искренняя, она будетъ имѣть свою цѣну. Но мы рѣшительно отказываемся понять, почему Братство можетъ накапливать свое благоденствіе, тогда какъ для отдѣльнаго христіанина это невозможно, такъ какъ его окружаетъ вопіющая нужда, назойливо вымогающая его сочувствіе и жалость. Что же, Братство можетъ купить себѣ дорогую роскошь обособленности отъ окружающей нужды и страданій?! Какою же цѣною? Иди прочь, бѣдность и нужда,—мы помогаемъ другъ другу!.. Это все, что хотите,—только это не христіанство... Это какая-то эволюція въ отношеніяхъ „русскаго помѣщика“ къ „русскому крестьянину“, эволюція рабочаго вопроса, но не эволюція христіанства.

Посмотримъ теперь на общественное значеніе Братства. Въ названной выше брошюрѣ читаемъ: „Трудовое Братство является собою полезный для Церкви и Государства опытъ

стройной организаціи и сплоченія прихода, опытъ оздоровленія и оживленія общественной клѣтки церковнаго и государственнаго организма, что такъ необходимо для здоровья живого организма Церкви и Государства, организмовъ, на здоровьи которыхъ не можетъ не отражаться губительно болѣзненное состояніе живыхъ клѣтокъ, ихъ составляющихъ. Для Церкви и Государства тѣсно сплоченное и стройно организованное Трудовое Братство является лучшею гарантіей неизмѣнной вѣрности имъ и практическаго осуществленія въ жизни ихъ идеаловъ мирнаго преуспѣянія страны и мирнаго прогресса“. Т. е. Трудовое Братство есть часть государства и церкви. Чѣмъ болѣе благоустроена и чѣмъ болѣе благоденствуетъ часть, тѣмъ лучше цѣлому. Въ этомъ общественное значеніе Трудового Братства. Противъ этого спорить трудно. Но такое общественное значеніе можетъ имѣть и эгоизмъ кружковый или семейный. Въ семьѣ особенно указываютъ гармонію личнаго эгоизма съ интересами цѣлаго. „Чѣмъ эгоистичнѣе семья, тѣмъ—говорятъ—она замкнута въ себѣ, отрѣзаннѣе отъ міра: и тѣмъ болѣе собирается тепла въ ней, главнаго жизненнаго условія дѣтей, будущихъ согражданъ отечества. Чѣмъ эгоистичнѣе мужъ, тѣмъ онъ требовательнѣе къ женѣ: строже блюдетъ ея вѣрность, какъ жены, и преданность дѣтямъ, какъ матери. Опять выигрываетъ, отъ эгоизма мужа, интересъ общества, коего прекраснымъ членомъ является таковая жена и мать. Жена эгоистичная—она держитъ мужа: тогда—растетъ хозяйство, избытокъ, все части собственности націи. Такимъ образомъ здѣсь чѣмъ больше кто себѣ требуетъ, тѣмъ болѣе онъ всѣмъ даетъ“. Да что семья? То же можно сказать и объ индивидуальномъ эгоизмѣ и благоденствіи. Чѣмъ лучше мнѣ, тѣмъ лучше государству, такъ какъ я часть государства. Такъ именно разсуждаетъ извѣстный сторонникъ экономическаго индивидуализма, Бастіа, утверждающій, что личный эгоизмъ находится въ естественной гармоніи съ общимъ интересомъ и каждый, заботясь о себѣ, тѣмъ самымъ служитъ обществу. Все это такъ, разумѣется. Но это только посредственное служеніе обществу, это только натуральное (а не моральное) совпаденіе эгоизма съ общественною пользою, поскольку эгоизмъ въ извѣстныхъ границахъ совпадаетъ съ общественнымъ благомъ. Однако государство не

есть только сумма индивидуумовъ и отдѣльныхъ союзовъ. Государственные и общественные порядки имѣютъ объективное существованіе и оказываютъ вліяніе на жизнь индивидуумовъ и отдѣльныхъ союзовъ. Государственные и общественныя нужды требуютъ отъ гражданъ и непосредственнаго вниманія. Въ положеніи Минина послужить обществу значило пожертвовать женой и дѣтьми, а не сохранять семейный эгоизмъ. Въ положеніи помѣщика рабовладѣльческой страны жалкій минимумъ нравственности поддерживать свое семейное или сословное благоденствіе. При извѣстныхъ обстоятельствахъ эгоизмъ и общественная польза сталкиваются; нѣкоторыя острия общественныя нужды требуютъ прямого вниманія со стороны индивидуумовъ и кружковъ и даже жертвы индивидуальными, семейными и кружковыми интересами. Заведенный порядокъ только поддерживаетъ общественную жизнь. Всякій прогрессъ общества, всякій подъемъ его на высшую ступень совершается сознательными усиліями свободныхъ дѣятелей. Есть же различіе между какимъ нибудь полипнякомъ или трубчатникомъ и человѣческимъ обществомъ. У трубчатника (сифонофоры) одни члены служатъ питательными органами, другіе плавательными и т. д. Каждые служатъ цѣлому, отправляя свои спеціальныя функціи и только этимъ путемъ. Но человѣческое общество прогрессируетъ только потому, что его члены *сознательно* относятся къ общему дѣлу, къ общественнымъ вопросамъ, служатъ общественнымъ нуждамъ. При недостаткѣ вниманія къ общественному дѣлу, застывшіе порядки начинаютъ неблагопріятно дѣйствовать на состояніе кружковъ, семей и индивидуумовъ. Несомнѣнно, и въ странѣ рабовладѣльческой или въ странѣ, придавленной бюрократическимъ режимомъ, могутъ быть нѣкоторые индивидуумы, или сословія, или кружки особенно благоденствующими, но это именно паразитарные члены, у которыхъ самое благоденствіе можетъ быть лишь чисто фізіологическимъ и неизбежно сопровождается духовнымъ пониженіемъ. Самое безучастіе къ жертвамъ общественнаго строя является свидѣтельствомъ объ ихъ нравственномъ разложеніи. Здѣсь не можетъ быть выбора—необходимо выдти изъ скорлупы индивидуальнаго, семейнаго или кружковаго эгоизма на болѣе широкую арену общественной дѣятельности.

Представители Крестовоздвиженскаго Трудового Братства думаютъ, что оно имѣетъ и прямое общественное значеніе. „Обособляясь отъ окружающаго насъ общества въ размѣрѣ требованій совѣсти нашей, мы, говорятъ члены Братства, однако имѣемъ несравненно большую степень общенія, не только между нами, но и съ окружающимъ насъ обществомъ, чѣмъ могли бы имѣть внѣ Братства. Многіе этого не понимаютъ, для многихъ это не очевидно только потому, что общеніе это имѣетъ болѣе систематичный характеръ и иныя формы, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли въ рутинѣ окружающей насъ жизни“. Такія вводныя слова повышаютъ вниманіе читателя къ слѣдующимъ строкамъ. Оказывается, существуютъ систематичныя сношенія Братства съ обществомъ, лишь отличны они отъ шаблонныхъ и рутинныхъ, лишь не замѣчаются они по ихъ крайней своеобразности. Что же это за формы сношенья? „На братство наше мы смотримъ, какъ на *живую книгу, раскрытую для чтенія всѣхъ, отъ ученаго до неуча, отъ знатнаго до простолюдина*, для всѣхъ, кто пожелаетъ читать ее, не считая себя въ правѣ писать на страницахъ ея, что вздумается, книгу, болѣе убѣдительную и краснорѣчивую, чѣмъ все, что мы могли бы сказать въ защиту и разъясненіе жизненной правды вѣры и самыхъ возвышенныхъ гуманитарныхъ идеалов“. Это значитъ, что опытъ братской жизни, практикуемой въ Воздвиженскѣ, есть спасительный для всѣхъ образецъ, цѣлительный для общества примѣръ, при чемъ, разумѣется, не вина Братства, если не понимаютъ этого значенія его и не желаютъ его использовать. „Именно въ этомъ *высшая общественная заслуга наша*, способная, при доброй волѣ понять насъ и воспользоваться жизненнымъ опытомъ нашимъ, стать истиннымъ общественнымъ благодѣяніемъ“.... И Братство не только молчаливо совершаетъ спасительный примѣръ,—„двери Братства нашего широко раскрыты для всѣхъ, кто захочетъ посѣтить его и на мѣстѣ съ нимъ ознакомиться, будь то представитель самыхъ высшихъ слоевъ общества или простой крестьянинъ“.

Разумѣется пріемъ гостей, на который въ Братствѣ ассигнуется до 800 рублей въ годъ. Этого мало. „*Теорія нашего тѣла и животворящій духъ его подробно выяснены въ четырехъ томахъ* полнаго собранія моихъ сочиненій. Именно въ этихъ

формахъ, наряду съ воспитаніемъ души народной къ дисциплинѣ вѣры и любви, въ лицѣ тѣхъ дѣтей народа, которыхъ мы воспитываемъ, горячо желая сдѣлать ихъ достояніемъ Божиимъ и братьями нашими по достоянію Божию—дѣлу Братства Трудового, мы и полагаемъ самое широкое и самое полезное общеніе съ окружающимъ насъ обществомъ“.

Таковы четыре главныя формы общенія Братства съ обществомъ. Нужно сказать особо о послѣдней формѣ. На Воздвиженскія школы отпускается государственныхъ средствъ что-то около 5000 рублей и Государство ставитъ этой школѣ цѣлью распространеніе въ народѣ основныхъ сельско-хозяйственныхъ познаній. Братство же съ своей стороны прилагаетъ стараніе удержать учениковъ школы въ предѣлахъ Братства, и это именно называется четвертою формою общественной заслуги Братства. Кажется, здѣсь мы имѣемъ образчикъ совершеннаго извращенія понятій. Въ томъ, что Братство не выпускаетъ учениковъ школы въ народъ, а удерживаетъ ихъ у себя, проявляется несомнѣнная противообщественная тенденція Братства. Это ясно, какъ Божій день. Поэтому формами сношенія Братства съ обществомъ остаются три—примѣръ братской жизни, поясненный гостепріимствомъ и печатнымъ словомъ. Эти формы оказываются неэффективными, что даетъ поводъ къ негодованію учредителя Братства. „Не наша вина, восклицаетъ онъ, если не желаютъ вступать съ нами въ тѣ формы общенія, которыя логично вытекаютъ изъ самого дѣла нашего. Не наша вина, если, живя въ непосредственной близости отъ насъ, даже въ предѣлахъ Глуховскаго уѣзда, относятся съ такимъ презрительнымъ невниманіемъ ко мнѣ и дѣлу Трудового Братства, что сочиненій моихъ не читаютъ и дѣло Братства Трудового на мѣстѣ не изучаютъ“... Отъ этого негодованія г. Неплюева вѣетъ глубокою искренностью, но оно еще болѣе несправливо.

Не одинъ основатель Крестовоздвиженской колоніи бросаетъ подобный упрекъ человѣчеству—это пріемъ всѣхъ утопистовъ, это судьба всѣхъ самообольщенныхъ мечтателей. Утопія есть надежда на водвореніе въ мірѣ золотого вѣка, основанная не на знаніи реальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ человѣчествѣ, а на проектѣ автора той или другой утопіи. Въ этомъ и трагизмъ всякаго утописта: онъ глубоко

убѣжденъ, что стоитъ только человѣчеству осуществить его проектъ—ну, для пробы, ну, на одинъ день—и счастье человѣчества обеспечено. Однако человѣчество ни мало не склонно продѣлывать надъ собою эксперименты, угодные кому нибудь. Отсюда негодованіе утописта... Тутъ могла бы помочь только объективность взгляда, до которой одностороннему увлеченію слишкомъ далеко. Возьмемъ примѣръ издалека. Извѣстный Фурье надѣялся, что проектированныя имъ фаланстеры исключительно силою примѣра, своею привлекательностью, измѣнятъ социальную жизнь человѣчества. Можно указать примѣры и ближе къ нимъ. Нашъ Толстой увѣряетъ, что стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ учить его понимать ее христіанство, и начать жить такъ и за нимъ сдѣлать тоже другому, третьему, сотому, для того, чтобы разрушился тотъ заколдованный кругъ общественной жизни, изъ которой повидимому нѣтъ выхода. „Пусть только каждый человѣкъ сейчасъ же въ своей жизни, по мѣрѣ силъ своихъ, исповѣдуетъ ту правду, которую онъ знаетъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, пусть не защищаетъ ту неправду, которую онъ дѣлаетъ, выдавая ее за правду, и тотчасъ же въ нынѣшнемъ году совершились бы такія перемѣны къ освобожденію людей и установленію правды на землѣ, о которыхъ мы не смѣемъ мечтать и черезъ столѣтія“. И рядомъ съ этими серьезными мыслителями сколько пошляковъ, тоже мечтающихъ и негодующихъ! Вотъ книжка К. Мережковского *Рай земной или сонъ въ зимнюю ночь*. Нелѣпѣйшее размазываніе половыхъ мерзостей, — и это проектъ осчастливить человѣчество. Жалкій авторъ, отъ котораго талантъ такъ же далекъ, какъ отъ земли небо, однако искренно презираетъ человѣчество, которое—онъ предчувствуетъ—не пойметъ благодѣтельности его проекта... А вотъ кучка не менѣе жалкихъ стихописателей, думающихъ, что они открыли „невѣдомую міру религію“, что они перерождаютъ человѣчество. „Стихійныя силы разражаются въ поэзіи Брюсова землетрясеніемъ“... Будто?.. Будьте покойны, ни одно стекло не разобьется отъ этого землетрясенія... Конечно, мечты и слова благородныхъ утопистовъ не сравнить съ этими бреднями, но ихъ негодованіе столь же смѣшно. Да развѣ не тоже дѣлаетъ жалкими всѣхъ оффиціальныхъ проповѣдниковъ хри-

стіанства? Вѣдь, представьте себѣ, у насъ—допустимъ—35000 проповѣдниковъ. Каждый изъ нихъ, много или немного разъ, скажетъ прекрасное *слово* о христіанской любви и братствѣ. Если бы хотъ одного изъ нихъ, хотъ на одинъ день послушался русскій народъ, какое это было бы чреватое послѣдствіями событіе. Да въ томъ то и дѣло, что эти слова безсильны. О, это прекрасныя по содержанію слова, но въ нихъ нѣтъ реальной силы! И потому негодованіе проповѣдника смѣшно. Есть слова и есть реальная сила. Реальная сила есть та, которая дѣйствительно проявляется, если не задерживается препятствіями. Негодованіе въ этомъ случаѣ можетъ имѣть значеніе лишь то, что оно свидѣтельствуешь объ отсутствіи общественнаго значенія слова или примѣра. Не слушаютъ и не читаютъ, слѣдовательно *слова* и *рѣчи* не имѣютъ общественнаго значенія. Если бы вопросъ былъ объ юридическомъ оправданіи, тогда имѣла бы смыслъ защита: „я сказалъ или показалъ, а дальше не моя вина“. Но вѣдь юридически никого не обвиняютъ, а говорятъ только о фактическомъ отсутствіи общественнаго значенія... Да и кромѣ того, не слишкомъ ли этого мало: „сказалъ слово и показалъ примѣръ“?. Не въ наше бы время слушать такія жалкія слова. Нынѣ для всякаго мыслящаго челоука не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе и даже нравственное благообразіе толпы (исключая немногихъ передовыхъ дѣятелей или минутъ нравственнаго подъема) зависитъ отъ общественнаго-экономическаго строя. Измѣните общественно-экономическій строй, и тогда вы въ правѣ ожидать нравственнаго и экономическаго благоустроенія личнаго и семейнаго. И во всякомъ случаѣ, если личная благотворительность имѣетъ ограниченныя и даже ничтожныя результаты, то переходъ отъ нея къ общинному устройству въ силу простой логики не позволяетъ остановиться и на этой ступени, но заставляетъ переходить къ слѣдующей—къ активно-общественной дѣятельности.

Подведу итогъ сказанному. Я даю Крестовоздвиженскому Трудовому Братству дружескій совѣтъ: а) предоставить личностямъ—членамъ Братства больше субъективно-религіознаго простора, нормируя лишь внѣшне-общинныя отношенія братчиковъ, и б) открыть возможно-широкую благотворительную дѣятельность въ отношеніи къ окружающему

населенію, не отказываясь отъ активно-непосредственнаго участія и въ общественно-экономическихъ вопросахъ.

Было бы для меня крайне печально, если бы эти мои сужденія были поняты какъ результатъ моего нерасположенія къ Братству,—это было бы такъ несправедливо! Напротивъ, я говорю все это именно потому, что смотрю вполне серьезно на дѣло Братства и отношусь къ нему съ искреннимъ уваженіемъ, признавая его заслуживающимъ всесторонняго вниманія и изученія. Это ясно изъ каждой строки моего описанія. Только я не принадлежу къ числу людей, для которыхъ въ христіанствѣ все до прозрачности ясно и всѣ христіанско-общественныя проблемы суть легко разрѣшимыя задачи съ однимъ неизвѣстнымъ. Я думаю, что въ христіанской задачѣ много неизвѣстныхъ и что нужно начать научное изученіе современнаго отношенія христіанства къ жизни, современныхъ опытовъ христіанскаго дѣланія: нужно собирать матеріалы, сравнивать, классифицировать, дѣлать выводы. Поэтому-то объективно-научный взглядъ безпристрастнаго наблюдателя имѣетъ свою цѣнность наряду съ дѣланіемъ въ той или другой частной формѣ. И было бы съ моей стороны подлиннымъ неуваженіемъ къ дѣлу Братства и неблагодарностью ему за его гостепріимство, если бы я ограничился гимнологическими чувствами и диллетантскими мыслями, если бы я только восторгался. Я считаю долгомъ высказать тѣ сужденія, которыя подсказываются мнѣ моими религіозными убѣжденіями и общеою точкою зрѣнія на всякія формы христіанскаго дѣла. Да и сужденія мои не только не касаются личностей, которыя для меня всегда священны,—они слегка лишь касаются самаго дѣла,—они относятся главнымъ образомъ къ книгамъ основателя Братства, къ данному имъ опредѣленію братскаго принципа, къ словесному выраженію его. Хотѣлось бы, чтобы къ моимъ сужденіямъ члены Братства отнеслись съ тѣмъ братскимъ чувствомъ, которымъ и мнѣ внушены мои слова и мысли, и съ тѣмъ благоговѣніемъ къ высокому христіанскому идеалу, предъ которымъ мелки всѣ наличныя дѣла человѣческія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Таръевъ.